

Людмила МАКСАКОВА:
Июль 1921 - 2000 - 15 апреля - с. 71.
Красота мне не помогала...

«Эта женщина! Увижу и немею», — пел Булат Окуджава. И я видела, как немеют мужчины, когда мимо проходит Людмила Максакова. Она немолода, но возраст только прибавил значительности ее красоте. Ведь у каждого из нас в определенном возрасте такое лицо, какое мы заслужили.

Максакова всегда была красива, и неизменно, как бы сложилась ее творческая судьба, если бы во времена ее молодости у нас умели «зажигать» звезды. Увы! Но она об этом не жалеет: ее жизнь — пример верности одному учителю, одному театру, одному дому, семье, старым друзьям и, главное, самой себе.

— Людмила Васильевна, память о вашей маме хранит табличка на доме, где вы живете, квартира, в которой ощутили ее присутствие, альбом с фотографиями... Очевидно, материнское влияние на вас было огромно?

— Мама была безусловно человеком, сформированным культурой XIX века, воспитанным на определенных нравственных принципах, которые, конечно, я не могла не воспринять. Отношения родителей и детей — это всегда очень сложный вопрос. Мне казалось, что оперное пение не имеет никакого отношения к моей драматической карьере, что это два разных искусства. Наверное, сейчас я бы маму понимала много лучше. Молодость вообще все отвергает, и чужой опыт ей ни к чему. Я сужу по своей дочке. Когда я ей что-то советую, она далеко не все воспринимает. А если бы то же самое ей сказал ее

сверстник, она поняла бы его лучше, чем меня.

— Но были ли в вашей жизни человек или событие, повлиявшие на вашу судьбу?

— У каждого человека есть линия своей судьбы. Вообще, я не верю, что человек может сам кардинально ее изменить. Он может только себе помочь. И если бы человек мог проанализировать, что так резко изменило его жизнь, то, наверное, многие бы могли сказать, что это встречи с какими-то людьми. А вот эти встречи не могут быть запланированы — это судьба. Если бы я не встретила с Рубеном Николаевичем Симоновым, моя творческая судьба вообще могла бы не состояться — она с самого начала складывалась очень непросто. Приобретение профессии у всех происходит по-разному — у меня это произошло очень поздно.

(Окончание на 7-й стр.)

Людмила МАКСАКОВА:

Красота мне не помогала...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Значит, встреча с Рубеном Николаевичем — это судьба?

— Да, это так. Я не подавала в училище никаких надежд, чем очень многих раздражала. А Рубен Николаевич увидел во мне то, что не увидели другие, и поверил в меня тогда, когда дела мои были совсем скверны. Есть студенты, которые сразу ярко раскрываются, и все приходят смотреть на них. Такой была Гундарева — сразу было понятно, что она даст блестящий результат. А бывает и по-другому: все говорят, что «это будет звезда», а он расщепляется, как будто его и не было, так и остается на уровне училищной звезды.

— Несмотря на то, что ваша мама была занятым человеком, чувствуется, что вашим образованием она занималась серьезно.

— Разумеется. Конечно, мое поколение — это люди начитанные, но необразованные. У нас все, как лоскутное одеяло, — все урывками, нахватом, нет никакой системы знаний.

— Но в своих детях вам удалось наверстать упущенное?

— В чем-то удалось, а в чем-то нет. Сын Максим не воспринял жажду знаний, чем меня очень удивил. Он находился под большим влиянием моего мужа-бизнесмена. Поэтому ему захотелось стать хозяином жизни не в творческом плане, а в деловом. А дочка очень любознательный человек, что, мне кажется, во многом определяет судьбу. Маша закончила ЦМШ, а теперь заканчивает Академию Гнесиных по классу вокала и будет размышлять, как устраивать свою творческую жизнь.

— Это совсем другой вопрос — тут дело было не в роли, а в режиссере. Чухрай тогда был так знаменит, что можно было только мечтать о встрече с человеком такого уровня, такого класса режиссуры. Уже были «Баллада о солдате» и «Сорок первый», которые обошли весь мир и получили все премии, какие только можно было получить. Чухрай был фигурой, которая определяла наше кино.

— Вас никогда не приглашали сниматься на Западе?

— Впервые я выехала за рубеж очень давно — на Каннский фестиваль. У зарубежных кинематографистов я пользовалась тогда большим успехом, но чтобы сниматься там, у них... Господь с вами, и мысли такой тогда не было.

— У вас в альбоме есть фото, на котором вы запечатлены с Бельмондо. Это случайность или вы знакомы с ним близко?

— Как-то я отдыхала во Франции, и там у меня была приятельница художница, которая прекрасно говорила по-русски. Однажды кто-то из финансовых воротил Франции устроил огромный прием, на который пошла я и моя знакомая художница. Она посадила меня за один стол с Бельмондо и ска-

— Нет, она была препятствием. Каждое социальное устройство создает свой тип красоты. Во времена моей молодости это была женщина, близкая к народу, которая все могла и все умела делать сама.

— А любовь была подарком за хорошую работу?

— О любви в кино и на сцене даже и речи не было. Ты должен был быть передовиком производства, и между двумя передовиками заключались брачные союзы. А если ты плохой передовик, то из тебя коллектив делал хорошего. Все время боролись с недостатками, дефектами личности. Герои обязательно должны были быть пролетарского происхождения, почему-то низкорослыми, курносыми, с маленькими глазками. Женщины — Боже упаси! — не должны были быть в шляпках, но обязательно в ситцевом платке, а мужчина обязательно в кепке...

Наверное, я бы могла сделать кинокарьеру, если бы не была увлечена классическим воспитанием и образованием, а потому не понимала, как можно увлечься созданием образа директора завода. Поэтому когда Трегубович пригласил меня на главную роль в фильме «Старые стены», я отказалась. Ну просто не видела себя в роли директора, хотя очень любила «Ленфильм», который всегда был уютным и гостеприимным, не был надменным, в отличие от «Мосфильма».

— Но все-таки вы согласились сняться в отрицательной роли в фильме «Жили-были старик со старухой», и красота ваша там пропала без вести.

— Это совсем другой вопрос — тут дело было не в роли, а в режиссере. Чухрай тогда был так знаменит, что можно было только мечтать о встрече с человеком такого уровня, такого класса режиссуры. Уже были «Баллада о солдате» и «Сорок первый», которые обошли весь мир и получили все премии, какие только можно было получить. Чухрай был фигурой, которая определяла наше кино.

— Вас никогда не приглашали сниматься на Западе?

— Впервые я выехала за рубеж очень давно — на Каннский фестиваль. У зарубежных кинематографистов я пользовалась тогда большим успехом, но чтобы сниматься там, у них... Господь с вами, и мысли такой тогда не было.

— У вас в альбоме есть фото, на котором вы запечатлены с Бельмондо. Это случайность или вы знакомы с ним близко?

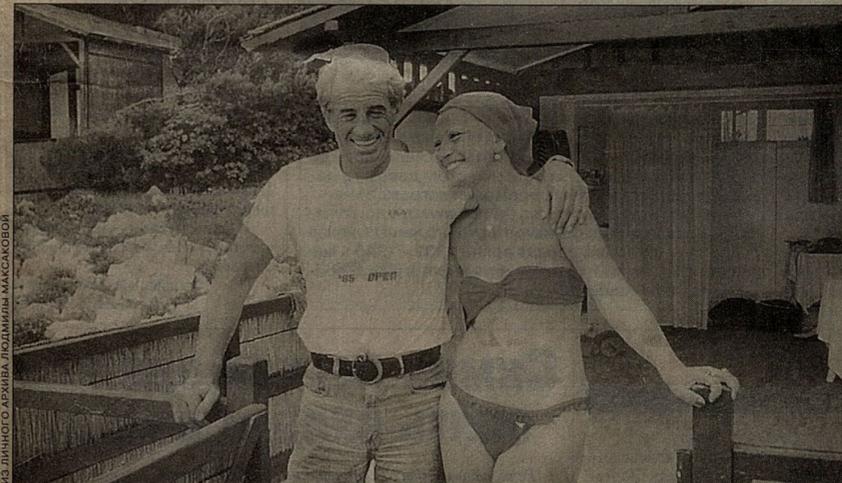
— Как-то я отдыхала во Франции, и там у меня была приятельница художница, которая прекрасно говорила по-русски. Однажды кто-то из финансовых воротил Франции устроил огромный прием, на который пошла я и моя знакомая художница. Она посадила меня за один стол с Бельмондо и ска-

Мама. Мария Максакова — известная певица

Дочка Маша. Кадр из фильма «Сибирский цирюльник»

Людмила Максакова с Бельмондо

зала: «Вам будет интересно друг с другом. Вы же актеры...». Я помню, как он от души долго хохотал, когда узнал, какая у меня зарплата. Он спросил: «Это вы столько получаете за один день?» — «Нет», — сказала я, — в год». Бельмондо — человек с огромным чувством юмора. Он потом приезжал в Москву, и мы встречались, но дружить вплотную тоже особенно некогда.

— Сегодня вас приглашают сниматься в кино? Вы делаете очень жесткий отбор, прежде чем согласиться на какую-либо роль?

— Да, приглашают, но я очень занята в театре в четырех спектаклях и начинаю репетировать с Виктисом пятый. С ним связана половина моей творческой жизни. С ним мы потеряли избие по поводу «Анны Карениной», хотя провал — дело благородное. А,

собственно, провал в глазах кого? Это слово ничего не определяет. Это что — неуспех у прессы? На это тысячу раз написать! Успех у публики? Такого я не помню. А одиночества не бывает никогда — мне тоже многое не нравится. В конечном счете сам актер всегда знает, что у него получилось, а что нет. А что касается кино, то сейчас буду сниматься в новом фильме у Грымова.

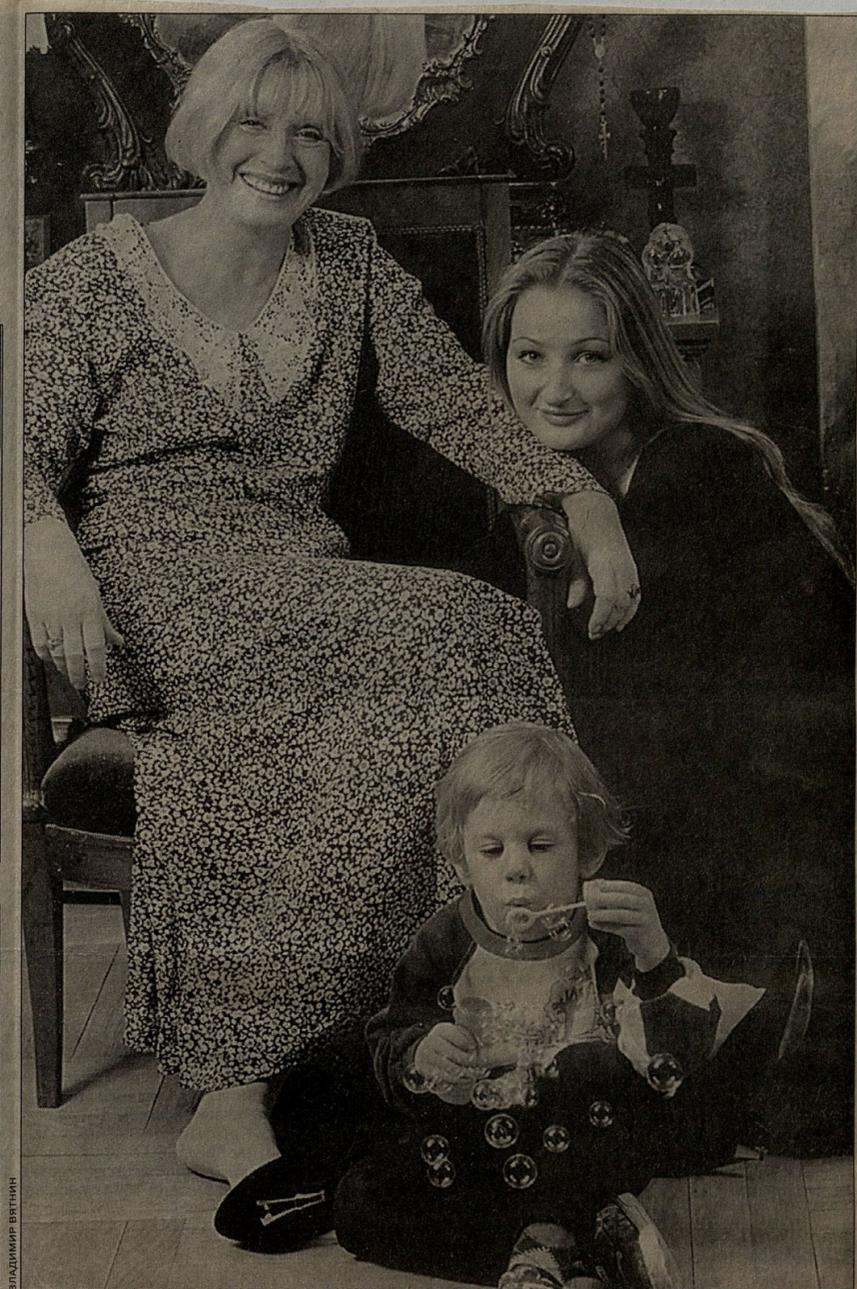
— Людмила Васильевна, вас считают благополучной женщиной. Вы это можете подтвердить?

— Если мне придется перелистывать страницы своей жизни — это будет очень мрачная картина. Актер считается знаменитым, если им сыграно много удачных ролей, если он был или есть звезда. Жизнь актеров — как гармошка: все видит только внешнюю ее часть, когда раздуваются меха, а внутренняя часть,

когда гармошка складывается, ото всех скрыта. Вот эта скрытая часть и есть биография артиста, и она существует в жизни каждого человека.

— Если говорить о мрачных страницах вашей жизни, то, наверное, вам есть что рассказать о ваших завистниках или врагах.

— Я никогда не обращала на это внимания. Вот Гундарева всегда говорит: «Спасибо моим врагам». Подхлест, конечно, существует, особенно если спектакль уничтожится. Но я поняла, что это уничтожает не тебя, а режиссера, у которого ты работаешь, а поскольку ты выходишь на сцену, то косвенно уничтожают и тебя. Но главная мишень — режиссер. Так в свое время не принимали Виктюка, Эфроса, как сейчас не принимают Фоменко, потому что есть люди, которые счита-

Людмила Максакова с дочерью и внуком

ют, что он уже получил сполна наград и его надо укротить. И все это рикошетом попадает и в актеров.

— Вы прощаете людям их недостатки?

— Нам велено прощать всем — даже врагам нашим. А тот, кто любит злобу, должен знать, что она в первую очередь разрушает его же самого.

— Когда вы смотрите наши современные фильмы, бывает у вас чувство, что вы сыграли бы лучше?

— Нет, не бывает. У каждого режиссера свои представления и о том, как надо сыграть роль и об актере. Я не могу обо всем судить, потому что не все смогла, но мне очень понравилась «Страна глухих». Там блистательно играют Суханов, Корзун, Хаматова. Я не могу представить себя в роли молодой девочки — я уже совсем в другой возрастной категории. Режиссеры ведь хотят поймать и сегодняшнего героя, и сегодняшнее поколение.

— Вы одеваетесь всегда с большим вкусом. Какой стиль в одежде вы предпочитаете?

— Вы знаете, наше поколение приучено к мхатовской скромности. Всегда считалось, что если в дом приходят гости, хозяйка должна быть одета не лучше их, чтобы гости не чувствовали себя дискомфортно. А поскольку я очень много работаю и возму неудобно, то ношу только то, в чем мне удобно передвигаться. Я считаю, что хорошо одетый человек — это человек, одетый к месту.

— Вы человек тусовки?

— Нет, нет... Во-первых, я всегда очень занята, а во-вторых, у нас очень открытый дом — в нем всегда кто-то ночует или живет. Так что я всегда при людях. Но если я хочу кого-то видеть, то предпочитаю позвать к себе домой. Я не затворница, но и не тусовочная. Я просто не понимаю эту моду, которая пришла к нам с Запада, — общаться и кушать стоя. Эти толковища и столы я не признаю. Это так не по-русски... Это самая неудачная

форма общения. Все-таки человеку надо поставить стул и тарелку на стол. У нас в доме всегда было такое правило: если пришел человек, не надо спрашивать, хочет ли он кушать. Просто мы ставим перед ним тарелку, рюмку, чашку... Думаю, это правильное дело.

— Что вы не воспринимаете в нашей сегодняшней жизни?

— Я все воспринимаю, все люблю. Как можно не воспринимать жизнь? Ведь никто не знает, что такое наша с вами жизнь. Это релакция другой жизни или маленький кусочек жизни, которую нам еще предстоит прожить? Я не склонна рассматривать данный кусок жизни как что-то главное и безусловно важное. Конечно, с точки зрения существования человеческих планов это, безусловно, важно. Но не думаю, что в этом заключено все существование человека. Мне кажется, что человек ждуг другие дороги. Но его последующая жизнь, конечно, зависит от того, как он проживет эту.

Маргарита РЮРИКОВА